

О ДРАГУНАХЪ.

Подполковникъ генеральнаго штаба Ильинскій, въ статьѣ своей: „Еще о драгунахъ“, въ майской книжкѣ „Военнаго Сборника“ за 1864 годъ, прослѣдилъ исторію этого оружія во всѣхъ государствахъ, чѣмъ оказалъ военному дѣлу большую услугу. Г. Ильинскій доказалъ, что, съ малыми исключеніями, драгуны вездѣ были употребляемы какъ конница, слѣдовательно напрасно и безъ цѣли изучали специальность пѣхотной службы.

Драгуны напали на Кавказѣ противъ горцевъ, казаки и сами конные горды, при недоступной для конницы мѣстности, сдѣшивались, что неизбѣжно въ горахъ, оврагахъ и труппахъ. Но въ персидскую и въ турецкую войны драгуны замѣняли конницу.

Если въ послѣдній польскій бунтъ драгуны, употребляемые часто свѣщенными и дѣйствуя превосходно, мало теряли убитыми и ранеными, то, очевидно, отъ необразованія въ военномъ дѣлѣ противниковъ и отсутствія у послѣднихъ воинской подчиненности. Въ ратоборствѣ съ образованными, дисциплинированными войсками было бы иначе.

Съ особеннымъ удовольствіемъ прочелъ я въ октябрьской книжкѣ „Военнаго Сборника“ весьма дѣльную статью г. Зенгера: „По поводу статьи: Еще о драгунахъ“. Сужденія его выражаютъ искушеннаго опытомъ специалиста, съ знаніемъ дѣла и проникнутаго къ нему любовью. Но я не могу не замѣтить преобладающую въ г. Зенгерѣ страсть къ конницѣ. Онъ всадникъ въ душѣ, и другая специальность драгуновъ у него дѣло второстепенное. Вотъ собственныя слова его: „Значеніе драгуновъ нынѣ уже не подлежитъ и, кажется намъ, не можетъ подлежать спору. Драгунъ есть кавалеристъ въ точномъ смыслѣ слова; но такъ какъ онъ вооруженъ ружьемъ, которымъ от-

лично владѣть (непремѣнно отлично и, если возможно, до совершенства, чтобы результаты были дѣйствительнѣе), то въ извѣстныхъ случаяхъ употребляется какъ пѣшіі застрѣльщикъ. Въ малой войнѣ (какъ, напримѣръ, послѣднія военныя дѣйствія въ Польшѣ) случаи эти повторяются очень часто; но въ войнѣ противъ регулярной арміи они могутъ встрѣтиться только изрѣдка“.

Если до сихъ поръ встрѣчались изрѣдка, то потому, что подобнаго отличнаго устройства и образованія драгуновъ, какими они у насъ теперь, еще не было ни въ одной европейской арміи. Какіе успѣхи были теряемы отъ того только, что, по удаленіи пѣхоты, негѣмъ было выбить непріятеля изъ пересѣченной мѣстности! Какъ скудны были послѣдствіями побѣды, потому только, что побѣдоносная конница, въ погонѣ за разбитымъ наголову непріателемъ, должна была останавливаться и поджидать пѣхоту, при встрѣчѣ пересѣченной мѣстности, занятой самымъ слабымъ отрядомъ непріятельской пѣхоты! Тутъ уже немислимы два завѣтныхъ правила великаго Суворова: 1) „натискъ“; 2) „покончить непріятеля“. Суворовъ могъ обходиться и безъ конной пѣхоты. Но онъ духовною силою сокрушалъ огромныя матеріальныя силы. Суворовъ неподражаемъ.

Со многими опроверженіями, дѣлаемыми г. Ильинскому г. Зенгеромъ, я вполне согласенъ. Но не могу согласиться съ послѣднимъ только въ томъ, что полезно въ одномъ родѣ войскъ соединить двѣ специальности, по слѣдующимъ причинамъ: 1) обременять одинъ родъ войскъ огромнымъ добавленіемъ изучаемыхъ предметовъ, безъ значительныхъ преимуществъ по службѣ; 2) получивъ на долю свою двѣ специальности, драгуны должны быть слабѣе или въ одной изъ нихъ, или слабы въ обѣихъ. Слѣдовательно, въ конномъ строѣ слабѣе конницы противника; спѣшенные слабѣе пѣхоты его.

Но это не главное неудобство, къ которому я обращусь въ свое время.

Я остаюсь при прежнемъ убѣжденіи моемъ въ необходимости вмѣсто драгуновъ ввести конную пѣхоту. Если бы найдено было, что останется мало конницы, то предлагаемые мною четырехэскадронные полки, съ сильными 20-рядными взводами и пятью взводами наѣздниковъ, восполняютъ уменьшеніе полковъ конницы, тѣмъ болѣе, что съ предлагаемыми мною наѣзди-

ками, въ боевомъ порядкѣ поставленными во второй линіи за флангами полка, атака и въ одну линію возможна.

Г. Зенгеръ выражаетъ, между прочимъ, невозможность остановить опрокинутую конницу. Я совершенно согласенъ, что безъ вліянія начальника, приобрѣтеннаго любовію и уваженіемъ, онъ не остановитъ бѣгущей конницы. Но есть исключенія. Я упомяну объ одномъ, близкомъ мнѣ эпизодѣ аустерлицкаго сраженія.

Покойный отецъ мой, генераль-маіоръ, шефъ Елисаветградскаго гусарскаго полка, повелъ полкъ свой въ атаку на французскихъ кирасировъ (по тогдашнему обыкновенію, въ одну линію). Французскіе кирасиры раздѣлились направо и налево, открыли батарею, которая встрѣтила гусаровъ картечнымъ огнемъ, и они были опрокинуты. Отецъ мой, любимый полкомъ, скоро остановилъ его, привелъ въ порядокъ и повторилъ атаку. Французы повторили тотъ же маневръ, опять встрѣтили картечью; гусары снова были опрокинуты. Отецъ мой, во второй разъ тщетно усиливавшійся остановить бѣгущихъ, преслѣдуемый французскими латниками, остановилъ лошадь свою и сказалъ своему адъютанту, корнету Мердеру (*): „не стану больше срамиться“.

Они были окружены кирасирами, до 50 человекъ, и стали отражать наносимые удары. Киверъ отца моего былъ сбитъ и отрублена часть затылка, почти до мозга. Мердеръ получилъ три раны въ голову. Ихъ стащили съ лошадей и повлекли. Отца моего тащили за подсумокъ, и какъ онъ отъ старости и истощенія силъ не могъ бѣжать, то его кололи палашами въ спину, нанеся четырнадцать ранъ; подсумокъ оборвался, и отецъ мой упалъ ницъ.

Между тѣмъ, въ то же время въ полку замѣтили отсутствіе шефа. Поручикъ Сотниковъ, необыкновенный силачъ, разгибавшій двѣ подковы, закричалъ: „кто хочетъ со мной выручить шефа?“ За нимъ поспекали шесть гусаровъ и послѣдовалъ камердинеръ отца моего. Мгновенно догнали они латниковъ; началась кровавая сѣча: одинъ Сотниковъ своеручно положилъ шесть человекъ, и французы ускакали. Двадцатилѣтній Мердеръ пѣшкомъ добрался до полка; отца моего подняли безъ чувствъ.

(*) Тотъ самый, который впоследствии имѣлъ счастье находиться при нынѣ царствующемъ Государѣ, во время дѣтства и юношества Его Величества—Карла Карловича.

Сотниковъ хотѣлъ оторвать висѣвшую часть затылка, но повредилъ только ранѣ и приложилъ ее на свое мѣсто, вмѣстѣ съ волосами. Отца моего перевалили черезъ лошадь спѣшеннаго камердинера и привезли въ полкъ, а оттуда отнесли на перевязочный пунктъ. Рана на головѣ нѣсколько дней подвергалась антонову огню; пораженныя мѣста вырѣзывали; черезъ много времени рана затянулась, и отецъ мой, съ разстроеннымъ вконецъ здоровьемъ и ослабленіемъ зрѣнія, жилъ еще три года.

Внесеніемъ частныхъ подробностей и удовлетвореніемъ потребности сердца я не полагаю утомить читателя: русскій человекъ не можетъ не сочувствовать подвигу чести и самоотверженія.

Повторенная атака въ несчастномъ аустерлицкомъ сраженіи, и еще въ одну линію, показываетъ также справедливость сужденія г. Зенгера: какое вниманіе должно быть обращено на выборъ полковыхъ командировъ въ конницѣ, несравненно болѣе, чѣмъ въ другихъ оружіяхъ, ибо въ конницѣ все зависитъ отъ мгновенія—побѣда или пораженіе. Много было отличныхъ начальниковъ пѣхоты, артиллеріи и инженеровъ; но какъ мало войны древнихъ, среднихъ и новыхъ временъ представили Аздрубаловъ и Зейдлицевъ!

Относительно настоящаго порядка атакъ въ двѣ линіи и съ резервами, опрокинутая первая линія иногда бываетъ предвѣстницею побѣды; вторая линія, пропустивъ сквозь интервалы бѣгущую первую линію, выстраивая стройно фронтъ въ уборъ непріятелю, разстроенному обыкновенно погоней и усыпленіемъ успѣха, имѣетъ на своей сторонѣ перевѣсъ и матеріальной и нравственной силы, и ударъ почти всегда бываетъ разительный.

Атака конницы, 7-го февраля 1831 года, на лѣвомъ флангѣ нашихъ войскъ, описанная въ октябрьской книжкѣ „Военнаго Сборника“ сего года, гдѣ новоархангельскіе уланы стоятъ на первомъ планѣ, служитъ неопровержимымъ фактомъ, что иногда опрокинутая первая линія бываетъ предвѣстницею побѣды.

Г. Зенгеръ говоритъ между прочимъ: „вообще не дай Богъ попасть подъ команду начальника, не имѣющаго понятія о томъ, чего можно требовать отъ кавалеріи“. Я бы могъ подтвердить это основательное заключеніе многими примѣрами, но, чтобы не утомить читателя, ограничусь двумя:

Въ персидскую войну 1827 года, находилась въ кавказскомъ

корпусъ бывшая 2-я—чугуевская—уланская дивизія. При походѣ отъ Ечміядзина до Абасъ-Абата, при возвышеніи термометра отъ 40 — 50°, исполняла она слѣдующую службу: пѣхота выступала обыкновенно въ два часа пополудни; отойдя отъ трехъ до четырехъ верстъ, дѣлала привалъ; солдаты ложились спать, потомъ подымались, повторяли то же, спали, купались; на половинѣ перехода варили обѣдъ и передъ вечеромъ приходили на ночлегъ. Между тѣмъ, конница, составляя передовую и заднюю стражи и боковые сторожевые отряды, не разсѣдывала; лошади оставались подъ тяжелымъ вьюкомъ, и въ четыре перехода лошади уланской дивизіи были изнурены до крайности, такъ что въ джаванъ-булахскомъ сраженіи, при усиленныхъ движеніяхъ, лошади падали какъ мухи и околѣвали. Нижегородскій драгунскій полкъ, на горскихъ лошадяхъ, страдалъ несравненно менѣе.

Въ слѣдующій, 1828 годъ, передъ начатіемъ турецкой войны, былъ я назначенъ исправлять должность начальника штаба отдѣльнаго кавказскаго корпуса. Уланская дивизія не могла нести службы и была отправлена въ Россію, оставя сводный четырехэскадронный полкъ. При открытіи войны, главнокомандующій одобрилъ предложеніе мое вести конницу походомъ слѣдующимъ образомъ: она выступала въ девять часовъ утра, обходила пѣхоту на привалѣ и, не дѣлая сама привала, спѣшила прійти на ночлегъ для отдыха и кормленія лошадей. Мѣста были открыты, какъ и въ Персіи, и для огражденія корпуса достаточно было малыхъ казачьихъ сторожевыхъ отрядовъ.

Конница не имѣла зерноваго фуража, но продовольствовалась прекраснымъ подножнымъ кормомъ, разсѣдывала лошадей, огражденная малыми сторожевыми отрядами. Сытость лошадей была изумительная и удары разительные.

Въ польскую войну 1831 года, изъ отдѣльнаго отряда моего послалъ я въ экспедицію изъ Остроленки, противъ партизановъ, баталіонъ пѣхоты, при эскадронѣ елисаветградскихъ улановъ, подъ начальствомъ баталіоннаго командира.

Приближаясь къ рѣкѣ Оржець, за которою были разсыпаны непріятельскіе стрѣлки, состоявшіе изъ лѣсничихъ, вооруженныхъ винтовками, начальникъ отряда, поставя пѣхоту внѣ выстрѣла, приказалъ выслать въ цѣпь карабинеръ-улановъ. Неравный бой маленькихъ штуцеровъ противъ винтовокъ, и еще верхомъ, побудилъ эскадроннаго командира измѣнить рас-

поряженіе: онъ кинулся съ эскадрономъ черезъ рѣку вшлавъ и прогналъ непріятели.

Много есть подобныхъ примѣровъ.

Обращаюсь къ предлагаемой мною конной пѣхотѣ.

Изъ статьи моей, помѣщенной въ „Военномъ Сборникѣ“ 1862 года, повторяю необходимѣйшее:

„Въ нѣсколько пѣхотныхъ, а иногда и въ одинъ жаркій бой, драгуновъ нестанетъ; пополнить убитыхъ и раненыхъ будетъ некъмъ...“ и проч.

„Конница безъ пѣхоты обойтись не можетъ, и есть полная возможность замѣнить драгуновъ летучею пѣхотою, которая не исчезнетъ въ продолженіе безконечной войны.“

Можно назвать, вмѣсто летучей, конною пѣхотою, какъ конная артиллерія.

„Летучая пѣхота должна быть одѣта и вооружена по образцу пѣхоты, кромѣ ранцевъ. Доведеніемъ въ стрѣльбѣ и пѣшей службѣ не успутать лучшей пѣхотѣ, умѣть строить наскоро ложементы и ямы. Въ конномъ же строю образованіе летучей пѣхоты ограничивается сидѣньемъ крѣпко на лошади, нѣсколькими построениями и знаніемъ ухода за лошадыю; вмѣсто ранца два кожаныхъ мѣшка на сѣдлѣ и плащъ черезъ плечо. Имѣть подъ собою подъемныхъ лошадей на уздечкахъ.“

„Неношеніе ранца даетъ летучей пѣхотѣ большое преимущество надъ пѣхотою противника.“

„Одежда пѣхотнаго солдата послужитъ обманомъ непріятели, который будетъ предполагать присутствіе пѣхоты.“

„Послѣ каждой потери людей въ бою, они пополняются немедленно изъ пѣхотныхъ полковъ; летучая пѣхота, столь необходимая, находится всегда въ полномъ комплектѣ; отдѣленіе же отъ пѣхотной роты одного или двухъ человекъ неощутительно.“

„Для подкрѣпленія доказательствъ пользы отъ летучей пѣхоты, я могу указать на факты:

„Въ 1812 году, знаменитый партизанъ Сеславинъ посадилъ егерскую роту на крестьянскихъ лошадей и производилъ чудеса со своимъ отрядомъ.“

„Въ 1831 году, польскій генералъ Дембинскій посадилъ пѣхоту своего отряда на крестьянскихъ лошадей, прошелъ сквозь наши войска отъ Литвы чрезъ Бѣловѣжскую пушу и соединился со своею арміею.“

Не стану дальнѣйшими разсужденіями навязывать убѣжденіе мое въ чрезвычайной пользѣ введенія конной пѣхоты; предложу только специалистамъ слѣдующіе вопросы:

1) Если двѣ дивизіи конницы, преслѣдуя уже 15 верстъ по пятамъ разбитаго наголову непріятеля, встрѣтятъ лѣсистую тѣснину, занятую двумя баталіонами пѣхоты, или если дивизія конницы, совершивъ огромный переходъ, нападая на непріятеля врасплохъ, должна будетъ занять съ боя деревню, занятую отрядомъ непріятельской пѣхоты,—есть ли возможность избѣжать большой потери въ ничтожныхъ числительностію баталіонахъ драгуновъ, въ особенности теперь, при нарѣзныхъ ружьяхъ?

2) Есть ли возможность въ войнѣ избѣжать повторенія подобныхъ случаевъ?

3) Чѣмъ сопедшіе почти на нѣтъ драгуны будутъ пополнены, и когда? и не будутъ ли они, большимъ числомъ лошадей на продовольствіи, въ тягость арміи?

ГР. ДМИТРИЙ ОСТЕНЬ-САВЕНЪ.